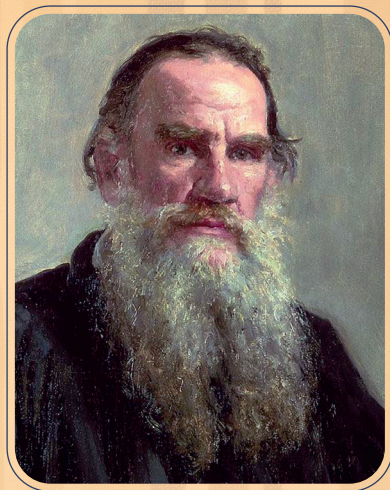


АУДИОБИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

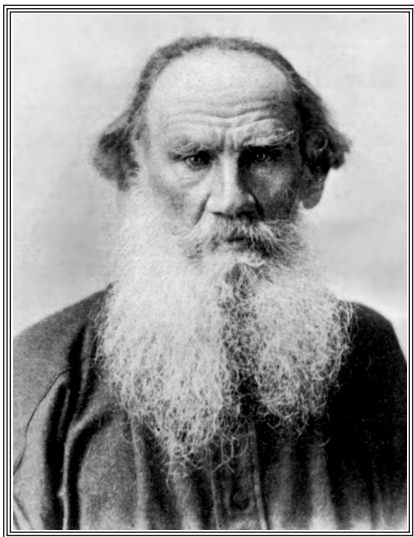


Л.Н. Толстой

Рассказы

*Детство • Отрочество
Война и мир • Анна Каренина
(фрагменты)*

ТОМ
I



Александр Македонский.

«...Ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через двадцать и будут над ним плакать и смеяться, и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю жизнь и все свои силы...»

Л.Н. Толстой

«...Малейшие известия о том, что пишется и как живет в Ясной Поляне, газеты помещают наравне с наилучшими лакомствами, какими они угощают своих читателей, т.е. наравне с политическими новостями, с пожарами и землетрясениями, скандалами и самоубийствами. <...> Может быть, со времен Вольтера не было писателя, который производил бы такое сильное действие на своих современников...»

Из статьи Н.Н. Страхова «Толки о Л.Н. Толстом»

«...Большинство поэтов заботятся преимущественно о результатах, проявлениях внутренней жизни, ... а не о таинственном процессе, посредством которого вырабатывается мысль или чувство. <...> Особенность таланта графа Толстого состоит в том, что он не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс... его формы, законы, диалектика души...»

Н.Г. Чернышевский

«...Своей концовкой “Война и мир” – открытая книга, последние слова повествования – это мечты ребенка, планы жизни, которая вся впереди. Судьба героев романа, этих Болконского, Пьера, Наташи и Николая, – только звено в бесконечном опыте человечества, всех людей, и прошлых и будущих, и в их числе того человека, который сегодня <...> читает “Война и мир”».

Из статьи С.Г. Бочарова «Роман Л. Толстого “Война и мир”»

Лев Николаевич Толстой (28.08.1828–7.11.1910)

«**Азбука**» (1871–1872) Л.Н. Толстого представляет собой комплект учебных пособий для первоначального обучения. Она состоит из четырех книг. Первая включает собственно азбуку, тексты для начального чтения, а также задания по обучению счету. Последующие книги фактически являются книгами для чтения, куда входят художественные тексты и популярные рассказы по истории, физике, естествознанию, географии, приводятся тексты для заучивания и материалы по арифметике. Материал в книгах усложняется в соответствии с возрастом учащихся. Рассказ «**Кавказский пленник**», который сам писатель очень ценил, был включен в четвертую книгу для чтения. В конце книг даются указания Л.Н. Толстого для учителя, раскрывающие его методическую концепцию начального обучения родному языку и арифметике. В ноябре 1874 г. Толстой взялся за переработку «Азбуки», разделив ее на две части: «**Новая азбука**» и отдельно «**Русские книги для чтения**».

Толстой писал об «**Азбуке**», что *«положил на нее труда и любви больше, чем на все, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке будут учиться два поколения русских всех детей, и первые впечатления поэтические получат из нее и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть...»*

Главный герой повестей трилогии Льва Толстого «**Детство**» (1852), «**Отрочество**» (1854), «**Юность**» (1857) – Николай Иртеньев. Толстой выбрал замечательный прием: жизнь ребенка представлена с помощью общих положений, характерных для каждого взрослого (первая любовь, первое наказание, первая несправедливость, первый невыученный урок, опыт разлуки, горе, столкновение со смертью, любопытство, страхи, опыт вранья). *«Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? –*

писал он. – *Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?»*

Писателя интересовали этапы взросления личности человека, становление его характера и убеждений на протяжении разных отрезков времени. Толстой показал читателю не только сами события, но еще и работу сознания маленького мальчика, отрока, затем юноши, его противоречивость, текучесть. Н.Г. Чернышевский писал: *«Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей».*

В трилогии перед читателем раскрывается не только образ маленького мальчика, который растет, становится подростком, потом юношей, возникает и образ другого Николая Иртеньева – рассказчика. Став взрослым, он снова переживает и анализирует свою жизнь, чтобы найти ответы на главные для каждого человека вопросы: каким надо стать, к чему стремиться?

Книги характеризуются тем, как они живут в читательской памяти. **«Война и мир»** (1863–1869) вспоминается яркостью эпизодов, отдельных картин, каждая из которых много значит сама по себе. Охота и святки, первый Наташин бал, лунная ночь в Отрадном и девочка на окне, встречи князя Андрея со старым дубом, гибель Пети Ростова... Отдельными яркими кадрами встает в нашей памяти эта книга. Отдельные эпизоды, конечно, служат общей связи романа, они вписаны в обширное целое, но внутри него по-своему автономны, завершены. Жизнь, которую рисует Толстой, очень насыщена в каждой точке. Эпизоды самые разные, относятся ли они к «войне» или к «миру», к «исторической» или к «семейной» линии, эстетически равноценны, ибо в каждом очень полно выражен существенный смысл жизни и ее борьба.

«Печатаю сочинение, на которое положено мною пять лет непрестанного и исключительного труда, мне хотелось в предисловии к

этому сочинению изложить мой взгляд на него и тем предупредить те недоумения, которые могут возникнуть в читателях. Мне хотелось, чтобы читатели не видели и не искали в моей книге того, чего я не хотел или не умел выразить, и обратили бы внимание на то именно, что я хотел выразить, но на чем (по условиям произведения) не считал удобным останавливаться. <...>

Что такое Война и Мир? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. Война и Мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. <...>

Для чего в моем сочинении говорят не только русские, но и французы частью по-русски, частью по-французски? Упрек в том, что лица говорят и пишут по-французски в русской книге, подобен тому упреку, который бы сделал человек, глядя на картину и заметив в ней черные пятна (тени), которых нет в действительности. <...> Занимаясь эпохой начала нынешнего века, изображая лица русские известного общества, и Наполеона, и французов, ... я невольно увлекся формой выражения того французского склада мысли больше, чем это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенные мною тени, вероятно, неверны и грубы, я желал бы только, чтобы те, которым покажется очень смешно, как Наполеон говорит то по-русски, то по-французски, знали бы, что это им кажется только оттого, что они, как человек, смотрящий на портрет, видят не лицо с светом и тенями, а черное пятно под носом. <...>

Разногласие мое в описании исторических событий с рассказами историков... не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет неправ, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни, так и художник не исполнит своего дела, представляя лицо всегда в его значении историческом. Кутузов не всегда с зрительной

трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади. Растопчин не всегда с факелом зажигал Воронцовский дом (он даже никогда этого не делал), и императрица Мария Феодоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опершись рукой на свод законов; а такими их представляет себе народное воображение. <...> Художник, из своей ли опытности или по письмам, запискам и рассказам, выводит свое представление о совершившемся событии, и весьма часто (в примере сражения) вывод о деятельности таких-то и таких-то войск, который позволяет себе делать историк, оказывается противоположным выводу художника. <...>

Ник. Ник. Муравьев, главнокомандующий, отозвался, что он никогда не читал более верного описания сражения и что он своим опытом убедился в том, как невозможно исполнение распоряжений главнокомандующего во время сражения. <...>

Всё это я говорю к тому, чтобы показать неизбежность лжи в военных описаниях, служащих материалом для военных историков, и потому показать неизбежность частых несогласий художника с историком в понимании исторических событий. <...>

Итак, задача художника и историка совершенно различна, а разногласие с историком в описании событий и лиц в моей книге не должно поражать читателя. Но художник не должен забывать, что представление об исторических лицах и событиях, составившееся в народе, основано не на фантазии, а на исторических документах, насколько могли их сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и события, художник должен руководствоваться, как и историк, историческими материалами. Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг...

Наконец, важнейшее для меня соображение касается того малого значения, которое, по моим понятиям, имеют так называемые великие люди в исторических событиях...

<...> Такое событие, где миллионы людей убивали друг друга и убили половину миллиона, не может иметь причиной волю одного человека: как один человек не мог один подкопать гору, так не может один человек заставить умирать 500 тысяч. Но какие же причины? Одни историки говорят, что причиной был завоевательный дух французов, патриотизм России. Другие говорят о демократическом элементе, который разносили полчища Наполеона, и о необходимости России вступить в связь с Европой и т.п. Но как же миллионы людей стали убивать друг друга, кто это велел им? Кажется, ясно для каждого, что от этого никому не могло быть лучше, а всем хуже; зачем же они это делали? Можно сделать и делают бесчисленное количество ретроспективных умозаключений о причинах этого бессмысленного события; но огромное количество этих объяснений и совпадение всех их только доказывает то, что причин этих бесчисленное множество и что ни одну из них нельзя назвать причиной.

Зачем миллионы людей убивали друг друга, тогда как с сотворения мира известно, что это и физически, и нравственно дурно?

Затем, что это так неизбежно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тот стихийный, зоологический закон, который исполняют пчелы, истребляя друг друга к осени, по которому самцы животных истребляют друг друга. Другого ответа нельзя дать на этот страшный вопрос. <...>

Человек, который убивает другого, Наполеон, который отдает приказание к переходу через Неман, вы и я, подавая прошение об определении на службу, поднимаемая и опускаемая руку, мы все несомненно убеждены, что каждый поступок наш имеет основанием разумные причины и наш произвол и что от нас зависело поступить так или иначе,

и это убеждение до такой степени присуще и дорого каждому из нас, что, несмотря на доводы истории и статистики преступлений, убеждающих нас в произвольности действий других людей, мы распространяем сознание нашей свободы на все наши поступки».

Из статьи Л.Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»

Одно из первых, самых ранних определений сюжета **«Анны Карениной»** (1873–1877) сохранилось в письме С.А. Толстой: *«Сюжет романа – неверная жена и вся драма, происшедшая от этого»*. Творческая история *«Анны Карениной»* свидетельствует о том, что первоначальный замысел на определенной стадии работы уступал место более широкой художественной концепции. *«Я часто сажусь писать одно, – признавался Толстой, – и вдруг перехожу на более широкие дороги: сочинение разрастается»*. Черновики его произведений – следы огромной работы писателя, который перешагнул через горы вариантов, чтобы достигнуть единственно верного решения своей темы. *«Сделать эту женщину только жалкой и невиноватой»*, – так определил Толстой свою творческую задачу, по-своему в нравственном плане сформулировав иначе тот же сюжет. В романе логика событий складывается таким образом, что возмездие следует по пятам за героями. Толстой задумывается над нравственной ответственностью человека за каждое свое слово и каждый поступок. И мысль эпитафии состоит как бы из двух понятий: *«нет в мире виноватых»* и *«не нам судить»*. Оба эти понятия совершенно отвечали внутренней природе эпического мышления Толстого.

«В “Анне Карениной”, – сказал Толстой однажды, – я люблю мысль семейную...» По убеждению писателя, все важнейшие общественные перемены начинаются или завершаются в семейном кругу, в личном мире современников, в их повседневной жизни. Он пишет *«Анну Каренину»*

не так, *«как обыкновенно пишут романисты: роман кончается, когда он и она женятся, то есть когда роман должен бы только начинаться»*. Его роман будет *«описывать не только то, как они поженились, но и то, что произошло после этого»*.

Алексей Каренин – человек старой формации. Для него семья – это *«нерасторжимая крепость»*, замкнутый мир со своими неизменными началами. Разрушение этих начал было для него совершенно неожиданным и катастрофичным. Человек рациональный, умный и по-своему добрый, он не мог понять той стихии, которая нарушила однажды налаженный ход жизни каким-то непостижимым молодым взрывом страстей.

То, от чего отрекается Анна, жена Каренина (муж, любимый сын, признание общества), как бы умирает для нее, перестает существовать. Время от времени то, что уже *«умерло для нее»*, воскресало и *«давило на сердце»*. Но она продолжала свою *«борьбу за существование»*, принимала *«условия борьбы»*. Нет таких жертв, которые бы она не принесла ради осуществления того, что было для нее *«невозможную, ужасною и тем более обворожительной мечтою счастья»*. Вступая в эту борьбу, Анна должна была отбросить чувство сострадания, иначе она никак не могла достигнуть своей цели. Но оказалось, что, преодолев это чувство, она не может быть счастлива. Трагедия Анны Карениной, как это ни странно, состоит именно в том, что все ее желания сбываются. Осуществление самых страстных желаний, требующих стольких жертв и такого решительного пренебрежения мнением окружающих, не приносит счастья и Вронскому.

Константин Левин (многие исследователи творчества Л. Толстого выделяют автобиографические черты в образе мыслей и характере Левина, роднящие его с автором) также принадлежит к тем, кто считает брак нерасторжимым. Для него *«обязанности к земле, к семье»* составляют

нечто целое. Но и он чувствует какую-то смутную тревогу, сознавая, что налаженный ход жизни нарушен.

«Мы любим себе представлять несчастье чем-то сосредоточенным, – говорил Толстой, – фактом совершившимся, тогда как несчастье никогда не бывает событие, а несчастье есть жизнь, длинная жизнь несчастная, то есть такая жизнь, в которой осталась обстановка счастья, а счастье, смысл жизни – потеряны».

MEL CD 40 02400

